

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Э.В. Георгиевский

СИМВОЛИЗМ ДРЕВНЕРУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация: *Символизм в уголовном праве Древней Руси – явление многоаспектное. Он отражает взаимосвязь обычного народного права, сформировавшегося под влиянием ранних религиозных верований, с правом ран-негосударственным. Древнерусское уголовное законодательство насыщено правовыми символами. Правовой символ это особый «код», хранящий и способный передавать правовую информацию. Получая особое осмысление, правовые символы трансформируются и закрепляются в первых нормативных установлениях наших предков. Правовые символы не только включаются в диспозиции норм, но и становятся инструментом дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. В уголовном законодательстве древнерусского государства получают отражение символы – правовые идеи, символы – правовые обряды, символы-предметы, символы-наказания. Однако символизм древнего права не исчерпывается лишь символизмом правовой формы. В ряде случаев правовой символ может носить надправовой характер, когда, например, в сложных юридических ситуациях на помощь призывается божество. Право в древнерусском государстве и само, во многом, явление сакрального характера, напрямую связанное с героическим былинным эпосом и языческими славянскими верованиями.*

Ключевые слова: *Юриспруденция, символ, право, ордалии, суд, мифопоэтический, железо, оружие, конь, оппозиция*

Любое право, особенно древнее, глубоко символично. Не является в этом смысле исключением и древнерусское уголовное право. Собственно, право в целом, как таковое, уже представляет собой совокупность однородных символов, воплощающихся в специфическом языке и являющихся особым способом организации информации. А в древнерусском государстве в силу слабости государственно-административной инфраструктуры символические средства становятся одним из основных способов «объективации политических и правовых отношений»¹.

В качестве символа может выступать любой природный или культурный объект, который получил семиотическое осмысление по своей форме, цвету, материалу, способу изготовления, а также любое событие, действие или слово. Символ может быть охарактеризован как особый код, в котором аккумулируется и посредством которого хранится и передается определенная, в том числе, правовая информация².

Особое место в формировании правовых символов играли обычаи, составлявшие основу символической формы. Собственно, символ являлся одной из форм от-

ражения обычая в позднейшем праве³. И хотя обычай наиболее объективно отражал уже сложившуюся к тому времени юридическую практику, он, тем не менее, значительно отставал от нее, что приводило к созданию «юридических фикций и ритуалов, лишь символически выражавших заложенные в обычае первоначальные идеи»⁴. Это в полной мере было характерно и для древнерусского письменного уголовного законодательства, где в рамках новых правовых форм продолжали получать свое выражение, постепенно уходящие в прошлое юридические ритуалы. К ним, по справедливому замечанию И. А. Исаева, относились и кровная месть, и круговая порука, и принцип талиона. Обладая ярко выраженным символическим характером, юридическая фикция продолжала отражать уже несуществующую ситуацию, придавая ей реальный характер и юридическую значимость⁵.

Необходимо отметить, что в философской литературе на сегодняшний день нет единства понимания ни что такое символ, ни что такое знак. Слишком разные порой значения вкладываются авторами в эти понятия. Знак, обычно, по-

¹ См.: *Фалалеева И. Н.* Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. Волгоград, 2003. С. 119.

² Там же. С. 119.

³ См.: *Малиновский И. А.* Древности русского права: Курс, читанный проф. И. А. Малиновским в 1918/19 академических годах в Донском археологическом институте. Ростов н/Д., 1919. С. 9.

⁴ См.: *Исаев И. А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 6.

⁵ *Исаев И. А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 6 – 7.

нимается сводимым к своему смыслу. Символ – понятие более высокого порядка (его часто называют «знак знака»), который может быть соотнесен только с другим символом, смысл которого также неоднозначен⁶. «Другими словами, – пишет А. Ф. Лосев, – различие между знаком и символом определяется степенью значимости обозначаемого и символизируемого предмета»⁷. Символ, в отличие от знака, не может полагаться имеющим какое-то отличное от него обозначаемое⁸. То есть иными словами, символ это разновидность знака, в котором обнаруживается действенное присутствие выражаемого (обозначаемого) им содержания⁹.

Однако, определенные требования, которым должен отвечать юридический символ, можно все-таки сформулировать. Он, прежде всего, должен иметь хорошо знакомый материальный облик, быть общеупотребимым, доступным для наглядного, ясного и конкретного восприятия, быть рассчитанным на всеобщее понимание и обладать при этом достаточной степенью условности¹⁰. Несколько иной набор признаков правового (юридического) символа предлагает О. Е. Спиридонова. К ним ученая относит обязательную законодательную закрепленность, общеобязательность, защищенность государственно-принудительными мерами, общепонятность и избирательность¹¹. Мы совершенно согласны с таким набором признаков, которые выделяет О. Е. Спиридонова, однако хотели бы отметить, что если признак законодательной закрепленности является абсолютно необходимым и существенным признаком юридического символа, то признак законодательной защищенности к существенным признакам относиться не может, так как «оставляет за бортом» ряд юридических символов, имеющих не позитивное, а негативное содержание, в чем мы сможем убедиться чуть далее.

Фиксация правовых норм, идей и ценностей может осуществляться двумя способами – в словесных символах и с помощью неязыковой символики, то есть с помощью знаков языка и других знаков (изображений, жестов, действий, предметов). Причем в древности преобладали именно знаки второго типа, а слова были лишь дополне-

нием к определенным ритуалам¹². В настоящей работе мы хотели бы рассмотреть только символы второго порядка.

Возможно одним из древнейших символов-явлений (идей), облаченных в особую правовую форму, является круговая порука. Круговая порука, как правовое явление, получает законодательное закрепление уже в первых нормах древнерусского уголовного законодательства. Согласно точке зрения И. А. Исаева, символизм круговой поруки очень определенно демонстрирует некое единство, когда каждый член общины отождествлен с ней, как часть и целое, и его дефектное состояние (факт совершения преступления) компенсируется восстановительными усилиями этого целого (верви-общины)¹³.

К символам – правовым идеям, очевидно, можно также отнести, так называемые мифопоэтические оппозиции, получающие свое отражение в сознании древнерусского человека в виде контрарных положений мифологического характера. «День-ночь», «свет-тьма», «тайность-явность» и т. п. – являются теми противопоставлениями, которые формировали специфическое отношение и соответствующую оценку данных обстоятельств, в том числе, и в правовом плане.

В архаичном славянском праве, как в свое время отмечали В. В. Иванов и В. Н. Топоров, очень актуальным являлось выделение таких дополнительных признаков объективной стороны, как время, место и способ, которые могли выступать, как смягчающими, так и отягчающими обстоятельствами. Так, например, существенное значение имело время совершения татьбы – день или ночь. Ночного татя дозволялось убить, что свидетельствует об использовании в праве общей системы двоичных противопоставлений, свойственной, в том числе, и архаической славянской мифологии¹⁴. Двоичные противопоставления или оппозиции были свойственны не только древнерусскому уголовному праву, но и, например, немецкому средневековому. В статье тридцать девятой книги второй «Саксонского Зеркала» подобное противопоставление дня и ночи выражалось в том, что ночного вора вешали, а дневному – отрубали голову. И нужно отметить, что вторая казнь была более быстрой, не такой болезненной и позорной¹⁵.

Дом, двор, поле, лодка – это также оппозиции, характеризующие место совершения преступления, но уже выделяемые по внутренним или внешним

⁶ См.: Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. С. 119.

⁷ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 108.

⁸ См.: Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. С. 130.

⁹ См.: Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 149.

¹⁰ См.: Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2004. С. 6.

¹¹ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 168.

¹² См.: Губаева Т. В. Указ. соч. С. 6 – 7.

¹³ Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 7.

¹⁴ Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 17 – 18.

¹⁵ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. М., 1961. С. 367.

признакам. Еще одна архаическая (мифологическая) оппозиция относится к способу совершения преступления – тайному или явному¹⁶.

Наполнены в древнерусском уголовном законодательстве символизмом упоминания о «божественных судах» и праведных поединках (поле), представлявших собой символы-действия. Согласно Дж. Вико именно Божественные суды были первыми судами в истории человечества, когда оно (человечество) находилось в естественном состоянии, и когда еще не было гражданской власти законов¹⁷.

Для решения вопроса о виновности или невиновности лица на помощь призывается божество, чаще всего в виде сил природы (природных духов). Подобный Божий суд получает название «ордалии». Сначала ордалии базируются на природных стихиях (силах природы) – воде, огне, воздухе. Согласно точке зрения А. Н. Афанасьева, отдаваться на суд этих светлых, правдивых стихий для всех язычников представлялось делом религиозного долга и самым верным средством для раскрытия истины¹⁸. Затем, набор «испытательных средств» начинает пополняться (яды, змеи, весы, носилки, гадания, жребий, судебный поединок, клятва и присяга, пытка)¹⁹. Да и сам судебный процесс осуществляется изначально от имени Бога, а затем уже, короля, князя, народа и т.п.

Особое место ордалии или божьи суды занимали и в раннем судопроизводстве древних славян, о чем свидетельствует, например, огромное количество народных пословиц²⁰. Лиц, заподозренных в воровстве, но не желающих признаваться, заставляли доставать руками из котла с кипящей водой различные предметы (кольца, камни); если лицо было невиновно, то оно не должно было обжечься. «По жалобе на завладение недвижимым имуществом, если обе стороны подтверждали свои показания присягой, истец должен был идти вглубь реки, а ответчик следовать за ним на расстоянии трех шагов; если истец начинал тонуть, то ответчик мог воротиться и объявлялся оправданным; наоборот – если истец переходил реку, а ответчик подвергался опасности утонуть, то этот последний терял жизнь и имущество; если же оба счастливо достигали берега, то ответчик освобождался от иска»²¹.

¹⁶ Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка. С. 18.

¹⁷ Вико Дж. Основания новой науки: Пер. с итал. М. – К., 1994. С. 390.

¹⁸ Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 2002. С. 188.

¹⁹ См.: Колер И. История человечества: Донисторический период. СПб., 2003. С. 96.

²⁰ См.: Даль В. Пословицы русского народа. М., 2003. С. 4 – 5.

²¹ См.: Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 2. С. 192.

Высшей степенью божьего суда считалось испытание железом, которое допускалось только в исключительно тяжелых случаях, таких, например, как ночное нападение на дом. Суть этих испытаний сводилась к необходимости либо держать (достать) раскаленное железо, либо стоять на нем (при этом часто использовался плуг)²². Возможно, именно поэтому испытание железом достаточно долго существовало и у восточных славян, получив даже свое законодательное закрепление в раннегосударственную эпоху и в Русской Правде²³ и в ряде договоров русских с немцами²⁴.

Поле, как форма судебного доказательства, появляется несколько позже и получает достаточно подробную регламентацию уже в Псковской судной грамоте. По мнению П. Мрочек-Дроздовского, Псковская грамота все-таки не объясняет существа поля, определяя лишь случаи его применения, последствия поля для тяжущихся и права и обязанности сторон в случае найма борцов за себя (наймитов). Одно из общих правил поля состоит в том, что исходя из сути данного судебного доказательства – Суда Божия, стороны должны были участвовать в поле лично. Но Псковская судная грамота предусматривает и исключения из данного правила, когда лица могли нанимать борцов. Однако этой льготной возможности были однозначно лишены послухи и женщины, представлявшие стороны как истца, так и ответчика²⁵. «Поединок между тяжущимися по русскому праву, – пишет А. Паломбецкий, – употреблялся при недостатке доказательств со стороны истца, и кроме того служил доказательством для ответчика, который мог заменить им другие средства защиты, за исключением присяги»²⁶.

К символам-действиям в древнерусском уголовном праве можно отнести, например, обряд «покоры». Этот обряд, согласно точке зрения П. Колмыкова, принадлежал к общей символике практически всех славянских народов, а значит и существовал у славян восточных. Термин «покоры», а у иных народов «мир», «примирение» означает принесение повинной головы, униженное умолюбование обиженного лица со стороны убийцы или его ближай-

²² См.: Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Т. 2. С. 192.

²³ См.: Российское законодательство X–XX веков: тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 93.

²⁴ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. С. 60.

²⁵ Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям. М., 1901. С. 12.

²⁶ Паломбецкий А. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении. Харьков, 1844. С. 76.

шего родственника для «отвращения кровавой мести от главы преступника». При всем многообразии деталей по праву мазовецкому, чешскому или черногорскому, суть этого действия состояла в следующем. Виновный и его представители обращались к семье убитого и совместно совершали определенные обрядовые действия, рядом с церковью и кладбищем, где убитый был похоронен. Зажигались свечи, обнажался меч и держался в течение всего обряда над головой виновного, символизируя древний тезис – «покорную голову меч не сечет». После чего близкие убитого обращались к прощенному и говорили ему о том, что мести не будет²⁷.

Безусловно, древнерусская покура имеет достаточно большое сходство с современным уголовно-правовым институтом освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, предусмотренным статьей семьдесят шестой уголовного кодекса России. В качестве обязательных правовых оснований современное примирение предполагает совершение преступлений только небольшой и средней тяжести впервые. Древнерусское примирение вряд ли предполагало такое освобождение. Государственно-правовое возмездие, даже если кровная месть не осуществлялась по каким-либо причинам, продолжало давить над виновным. Очевидно, в том числе, и именно так следует трактовать фразу статьи первой Древнейшей Правды «аще не будет кто мстят, то 40 гривен за голову...»²⁸.

Однако в древнерусском уголовном праве обряд покуры, очевидно, предусматривался именно в особо тяжких посягательствах, объектами которых являлись жизнь или здоровье лица, и где, собственно, допускалась кровная месть. Это было в полном смысле слова жизненно необходимым, так как останавливало неизбежную природную мести войну. А вот примирение потерпевшего и виновного лица по иным преступлениям не просто не предусматривалось, а было законодательно запрещено. Мы имеем в виду случаи так называемого самосуда. Таким образом, древнерусский обряд покуры не освобождал лицо от уголовной ответственности.

Определенным символическим значением обладали и некоторые виды наказаний. Например, смертная казнь, осуществляемая в Древней Руси путем утопления. Утопление, согласно данным В. А. Рогова, символизировало крайнюю греховность казнимого, автоматически влекло за собой лишение покаяния и погребения. Вода же, являясь древнейшим религиозным символом, была двойственной стихией. С одной стороны она выражала хаос и смерть, с

другой – животворящую силу²⁹. А смертная казнь путем сожжения, например, представляла яркое выражение символического талиона – «подобным за подобное».

Основу мотива компенсации принципа талиона составляла скрупулезная регламентация частей человеческого тела, как объекта уголовного наказания³⁰. Такое строго арифметическое равенство, подкрепленное принципом справедливости, также было направлено на восстановление «природной симметричности, которая была нарушена преступлением»³¹. Кроме того, как мы уже отметили, талион мог быть символическим, выражавшимся в повреждении того органа, которым совершалось преступление. В случаях совершения определенных преступлений применение материального талиона было невозможным. Например, укравшему что-либо отрубали руку, совершившему лжеприсягу – пальцы³².

Среди предметов, встречающихся в нормах древнерусского уголовного законодательства, далеко не все можно отнести к собственно юридическим знакам, а точнее к символам-предметам. Скорее это были символические знаки, обладавшие наряду с какой-либо этнокультурной идеей еще и вполне прикладным, часто хозяйственным значением. Мы считаем очень удачным научное решение О. Е. Спиридоновой о выделении среди предметов преступных посягательств символов-предметов, которые, с одной стороны рассматриваются как собственно уголовно-правовая категория, а с другой, могут быть выражены в символической форме³³.

В уголовном праве древней Руси в основном это были только те предметы, за которые устанавливалась достаточно высокая продажа, а значит, посягательство на которые можно отнести к категории тяжких или особо тяжких преступлений, говоря языком современного уголовного права. Более того, практически все эти предметы прямо или косвенно связаны с мифологическим прошлым древних славян, отождествлялись с теми или иными богами и имели огромное значение в их повседневной хозяйственной и культурной жизни.

Мы полагаем, что одним из ярчайших символов-предметов в древнерусском уголовном праве следует признать коня. Безусловно, прежде всего, конь это

²⁷ Колмыков П. О символизме права вообще и русского в особенности. СПб., 1839. С. 67 – 73.

²⁸ См., в частности: Правда Русская. Т. 2: Комментарии: Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин и др. / Под ред. Б. Д. Грекова. М.-Л., 1947. С. 27 – 32.

²⁹ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. М., 1995. С. 169, 171.

³⁰ См.: Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.). М., 1991. С. 102.

³¹ См.: Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6. С. 7.

³² См.: Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР. Одесса, 1924. С. 32.

³³ Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. С. 206.

основа феодального хозяйства, «верный соратник и друг» воина-дружинника, символ благополучия любой крестьянской семьи. Идея коня всегда была многополярна: он являлся символом земледельческого благополучия, охотничьего, скотоводческого, конь, в конечном итоге, просто выступал в качестве элементарного транспортного средства. Боевых коней, погибших в битвах, хоронили отдельно на специальных помостах, засыпая их курганами, как над воинами³⁴.

Однако у древних славян конь являлся еще и самым мифологизированным животным, связанным одновременно с культом плодородия, солнцем, смертью и погребальным культом³⁵. По аграрным представлениям древних славян, именно кони везли солнце по небу днем, он был «проводником на тот свет» и главным жертвенным животным. В то же время конь – противник злых сил, борец с темным миром. Конские черепа использовались в качестве строительной жертвы при закладке построек. С помощью коней гадали, они были непосредственными участниками огромного количества древнеславянских обрядов и ритуалов³⁶. Понятно, что с такой фактической сакрализацией коня, он просто не мог получить специфического статусного отражения в древнерусском праве.

Особое место конь занимает в Русской Правде и Псковской судной грамоте. Уже Древнейшая Правда в тринадцатой статье устанавливает запрет на похищение «чужь коня». Двадцать восьмая статья Правды Ярославичей упоминает княжеского коня с пятном, коня смерда и кобылу, плата за хищение которых соответственно составляла три и две гривны, а также шестьдесят резан. А в тридцать первой статье говорится о краже коня в соучастии. Кроме того, в Краткой редакции Русской Правды устанавливается исключительная ответственность за убийство старшего конюха при стаде вирой в восемьдесят гривен. «Тивун конюший» охраняется в статье двенадцатой Пространной редакции памятника. Тридцать третья статья Пространной редакции запрещает самовольную езду на чужом коне. Уничтожение или причинение вреда коню предусматривается статьей тридцать четвертой. А в статье тридцать пятой вновь говорится о «погублении» коня и устанавливается высшая мера в виде потока и разграбления «коневоу татю». Статья тридцать седьмая Пространной редакции Русской Правды разрешает вопросы уголовной ответственности в случае

приобретения, в том числе, краденного коня³⁷. И вновь упоминает княжеского коня статья сорок пятая, где речь идет о возмещении стоимости в полтора раза больше, чем за коня другого собственника³⁸. И снова конь, как предмет хищения, упоминается в статье шестьдесят четвертой³⁹. Двенадцатигривенную продажу устанавливает за «пакостный» убой коня статья восемьдесят четвертая⁴⁰. Специальную седьмую статью «О вседении на чужь конь» содержат Сокращенная редакция Русской Правды, а кроме того в ней, так же как и в Пространной, конь рассматривается в качестве предмета посягательств в аналогичных по содержанию статьях⁴¹.

Помимо всего прочего, конь мог подразумеваться не только в качестве предмета посягательств, но и в качестве орудия или средства совершения преступления в целом ряде случаев, предусмотренных древнерусским уголовным правом. Это касается случаев вооруженных разбойных наездов. Конем можно было «стоптать» человека, разрушить небольшие постройки и т. д. Так, например, вторым названием Новгородской судной грамоты являлось следующее «О суде и о закладе на наездники и на грабещики»⁴². «Живота не дати» призывала Псковская судная грамота в статье седьмой по отношению к конокраду⁴³.

Но если конь был одним из самых, пожалуй, упоминаемых предметов-символов в древнерусском уголовном праве, во всяком случае, в Русской Правде, то усы и борода были предметами-символами, за которые устанавливалась самая высокая продажа и о которых законодательные установления упоминали с завидным постоянством на всем протяжении развития уголовного права в Древней Руси.

Достаточно значительным размером продажи в двенадцать гривен устанавливается запрет на вырывание, повреждение и пострижение усов и бороды в статье восьмой Правды Ярослава, статье шестьдесят седьмой Устава Владимира Всеволодовича и в статье тридцать первой Пространной редакции Устава князя Ярослава о церковных судах⁴⁴.

Уголовная ответственность за вырывание бороды также достаточно подробно устанавливается в девятнадцатой

³⁴ См.: *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. Киев, 1982. С. 71.

³⁵ См., например: *Анучин Д. Н.* Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд. М., 1890.

³⁶ См.: *Берегова О.* Символы славян. СПб., 2011. С. 123 – 131.

³⁷ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. С. 78, 79, 109, 111.

³⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 99.

³⁹ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 115.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ Там же. С. 198 – 199.

⁴² См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 212.

⁴³ Там же. С. 287.

⁴⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 47, 69, 191.

статье Договора неизвестного Смоленского князя с Ригой и Готским берегом 1223 – 1225 гг. Урок в виде штрафа в размере трех гривен выплачивался за посягательство на простых гостей, пять – за посягательство на боярина и сборщика кун («куномьчи»)⁴⁵.

Не оставила без внимания бороду и усы древнерусского человека и Псковская судная грамота. Это, пожалуй, единственное, что повторяет Псковская судная грамота из Русской Правды, что лишний раз свидетельствует о значимости данного элемента во внешнем облике древнерусского человека. О том же свидетельствует и очень высокий штраф – два рубля, что является, по мнению исследователей, самой высокой санкцией, называемой в Псковской судной грамоте⁴⁶. Кроме того, за оскорбление чести в виде вырывания бороды назначался судебный поединок. Но, почему-то, не между ответчиком и потерпевшим, а между ответчиком и свидетелем, указавшим на него. Именно этот факт, по мнению некоторых исследователей, делает статью очень сложной для понимания⁴⁷.

Предусматривалась уголовная ответственность за оскорбление, нанесенное путем пострижения волос на голове или бороды в девятой статье Правосудия митрополичьего. В санкции в качестве альтернативы епископской казни, предусматривалась казнь княжеская⁴⁸.

Согласно точке зрения П. О. Бобровского, древнерусские люди особое внимание уделяли благообразию своей внешности, лица, и не последнюю роль при этом играла борода. В связи с этим вырывание клоков бороды или усов рассматривалось даже как более тяжкое оскорбление, нежели удар по лицу рукой⁴⁹. В народных представлениях волосы символизировали объединение, связь с социальной группой. А для мужчин борода и усы являлись также предметом определенной гордости и символизировали определенный статус. Т. Б. Щепанская в этой связи делает, на наш взгляд, достаточно интересное предположение, что в драке, когда рвутся волосы (в том числе борода и усы) символически рвутся определенные социальные связи⁵⁰. У древних славян известен обычай «пострига», при котором мальчику, по достижении им возраста трех-четырёх лет, постригали волосы в первый раз после рождения

и садили на коня. Этот обряд сопровождался пирами и дарением подарков. Согласно точке зрения Н. П. Павлова-Сильванского, этот обряд знаменовал собой достижение мальчиком возраста вступления «в бытие гражданское, в чин благородных всадников»⁵¹.

Как подмечает Н. П. Павлов-Сильванский, и у немцев волосам и бороде также придавалось серьезное символическое значение. Они являлись знаком свободного совершеннолетнего мужа. Кроме того, у готов, франков и лонгобардов отрезание волос являлось символом усыновления⁵². А значит, включение данных норм в договорные отношения русских с немцами не носило характера какой-то односторонней правовой льготы только для русских, а было обусловлено родственностью правовых традиций.

Согласно исследованиям М. М. Маковского, борода и усы ассоциировались у наших древних предков также с силой, могуществом, благоденствием и спасением, и такая ассоциация была характерна именно для индоевропейской мифологии. Кроме того, борода даже ассоциировалась с деторождением, жизнью и фаллическими символами⁵³.

Однако вот что представляется интересным – в церковных уставах данный состав определяется через пострижение, как способ совершения преступления. В то время как в различных редакциях Русской Правды способ совершения преступления определен через термин «порвать»⁵⁴. Возможно, это свидетельствует о том, что Русская Правда предусматривала очень узкий круг ситуаций, в которых могли быть повреждены волосы – только в драке. Термин «вырветь» использует и Псковская судная грамота.

В Уставе же князя Ярослава о церковных судах (впрочем, как и в Правосудии митрополичьем) этот круг был расширен и включал в себя ситуации тайного пострижения (во сне, в бесчувственном состоянии), а также случаи насильственного пострижения, и, возможно, самовольного пострижения. А может быть, в отличие от Русской Правды, только эти случаи. Кроме того, обращает на себя еще один факт, имеющий уголовно-правовое значение – это вид умысла, исходя из времени его формирования. Очевидно, что светское уголовное законодательство предусматривало в большей степени ситуации, когда умысел на вырывание бороды был внезапно-возникшим. Либо, в ряде случаев такое вырывание вообще могло носить неосторожный характер. Церковно-уголовное право предусматривает случаи, когда умысел, более всего вероятно,

⁴⁵ См.: Памятники русского права. Вып. 2. С. 74.

⁴⁶ См.: Российское законодательство X—XX веков. Т. 1. С. 385.

⁴⁷ Там же. С. 385.

⁴⁸ См.: Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. Л. В Черепина. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. С. 427.

⁴⁹ Бобровский П.О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII века. Историко-юридическое исследование. СПб., 1889. С. 28.

⁵⁰ Щепанская Т. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 144.

⁵¹ Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // Журнал министерства народного просвещения. 1905. июнь (часть CCCLIX). С. 359 – 360.

⁵² Там же. С. 360.

⁵³ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 53.

⁵⁴ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 69.

заранее обдуман. Именно в таких случаях заранее готовится орудие совершения преступления – нож, ножницы.

О том, какое значение придавалось данному символу не только среди простого народа, но и среди представителей государственной власти, много позже периода действия Русской Правды, свидетельствует диалог Ивана Грозного с иезуитом Антониом Поссевино. Полагая, что одним из важнейших вопросов веры является вопрос о рошении или пострижении бороды, царь говорит своему оппоненту: «Видим у тебя бороду подсечену, а бороды подсекать и подбривать не велено, и не попу, и мирским людем, а ты, римской веры поп, а бороду сечешь?»⁵⁵.

Не менее знаковыми в древнерусском уголовном праве являлись оружие и доспехи («порты, портищи»). И конь, и оружие с доспехами были неотделимы от воина-дружинника. В этой связи воина хоронили в полном боевом облачении с оружием. Согласно данным Я. Е. Боровского, во время раскопок киевских курганов были обнаружены останки воинов с большим количеством оружия: мечи, боевые топоры, кинжалы, копья, луки и колчаны со стрелами, шлемы и кольчуги⁵⁶. Как отмечает Т. В. Губаева, восточные славяне, наряду с древними греками, считали, что меч, например, охраняет порядок и закон. А «мечником» или человеком меча вплоть до XIV в. называли княжеского дружинника, который выезжал на места исполнять приговор («творити судъ и правду»)⁵⁷. В древних мифологиях очень многих народов акт рассечения мечом уподоблялся рассечению Хаоса божественным фаллосом, в результате чего возникло само Мироздание. Неизменным же атрибутом героев древнерусского эпоса являлась палица, символизирующая пожирающий и очищающий огонь⁵⁸.

Согласно данным Г. В. Назаренко и А. И. Ситниковой, Краткая редакция Русской Правды содержит упоминание о действиях с оружием в руках в шести случаях, причем в основном речь идет именно о мече⁵⁹. Здесь необходимо заметить, что меч, в частности, мог выступать не только в качестве символа-предмета преступления, но и в качестве орудия его совершения. И в этом случае такой символ не мог уже обладать позитивным наполнением, а выражал негативную сущность, но при этом точно также закреплялся в позитивном законодательстве. Кроме отдельных частей меча, нанесение ударов которыми было позорно для потерпевшего, древнерусское уголовное законодательство

упоминает и о других символах-орудиях преступлений – жердь, батог, сосуд и иные неприличные предметы для древнерусского человека.

Конечно же, оружие и доспехи, так же как и конь, могли быть похищаемы и повреждаемы. Так, например восемнадцатая статья Краткой редакции Русской Правды была посвящена уничтожению и повреждению чужого имущества копьа, щита или портов. «Аже изломить копье, любо щит, любо порт...»⁶⁰. Более чем очевидно, что речь идет в данной статье о портах, как доспехах воина, имевших кожаные, деревянные и металлические вставки (части). В противном случае трудно представить, каким образом одежду можно было «изломать». В таких случаях древнерусский законодатель обычно употреблял термин «изодрать». Согласно точке зрения А. В. Лонгинова, доспех это особый вид портища – одеяние военное, походное, которое ко всему прочему подлежало обязательному снятию с убитых. Возможно именно потому, что было, как и оружие, достаточно дорогим⁶¹. Возмещать стоимость вещи преступнику необходимо было в любом случае: если он оставлял поврежденную вещь у себя или пытался насильно вернуть ее хозяину⁶². Помимо всего прочего, повреждение копьа, его перелом, вполне могли рассматриваться нашими предками в качестве плохой приметы, так как символический обряд перелома копьа осуществлялся, как правило, перед военными действиями⁶³.

А еще оружием клялись, в том числе заключая правовые договоры. К клятве на оружии присоединялась присяга Перуну, а клятвотступников ждала суровая кара – проклятье от Бога и смерть от собственного оружия⁶⁴.

Глубоко символическими для древнерусского человека являлись знаки (метки) собственности. Метилась (клеймилась), практически, вся движимая и недвижимая собственность наших предков – пахотные земли, луга, пчелиные борти, скот, различные предметы обихода, домашнего быта и др. В разных частях древнерусской земли эти знаки назывались по-разному: знаменами, метками, отметками, домовыми, жердяными, заручными или своручными клеймами. Процесс же наложения клейма назывался знаменем, пятнанием, клеймением, орлением, зазначиванием, отзначиванием⁶⁵.

⁵⁵ См.: *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. М., 1989. С. 48.

⁵⁶ *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. С. 96.

⁵⁷ *Губаева Т. В.* Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. С. 7.

⁵⁸ См.: *Свиридо О. А., Туманова О. С.* Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М., 2004. С. 117.

⁵⁹ *Назаренко Г. В., Ситникова А. И.* Неоконченное преступление и его виды: Монография. М., 2003. С. 11.

⁶⁰ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 48.

⁶¹ *Лонгинов А. В.* Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904. С. 136.

⁶² См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 57.

⁶³ См.: *Павлов-Сильванский Н. П.* Символизм в древнем русском праве // Журнал министерства народного просвещения. 1905. июнь (часть CCCLIX). С. 359.

⁶⁴ См.: *Боровский Я. Е.* Мифологический мир древних киевлян. С. 14.

⁶⁵ См.: *Ефименко П.* Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. 1874. октябрь (часть CLXXV). С. 57.

Причем, как замечает П. Ефименко, та собственность, которая в силу определенных причин находится далеко от хозяина (дальние выгоны, борти, охотничья добыча), считается еще более неприкосновенной, чем та, которая находится в непосредственной близости и может быть охраняема более эффективно⁶⁶. И, конечно же, любые посягательства, направленные на уничтожение, повреждение, перестановку данных меток, воспринимались нашими далекими предками очень болезненно. Именно поэтому такие посягательства получают свое законодательное закрепление уже в первых нормах древнерусского уголовного права.

Целых четыре статьи с семидесятой по семьдесят третью посвящает уничтожению, повреждению и перестановке клейм Пространная редакция Русской Правды⁶⁷. Речь идет и о местах охоты на бобра, и о бортях, и о земельных и полевых межах, и о дворовых участках, и о знаменных и межных дубах, которые могли преступно разоряться, перегораживаться, заново перетесываться т. д. Примечательно, но практически все эти посягательства карались одинаковой и достаточно высокой продажей в размере двенадцати гривен.

Ответственность за повреждение, уничтожение, а также за перестановку межевых знаков устанавливалась в статьях тридцать четвертой Краткой редакции⁶⁸.

Метились в Древней Руси и преступники. «В праве, – пишет В. А. Рогов, – важная функция символики связана с наглядностью недозволенности противоправных действий, преступник становился своего рода афишей-символом, регламентирующей жестокие последствия посягательств...»⁶⁹.

По поверьям древних славян, одним из двух насекомых, не относящихся к хтоническим существам и не воспринимаемым как нечисть, являлась пчела. К слову – вторым таким насекомым была божья коровка. Пчела считалась божией угодницей, святым существом⁷⁰. Бортничество (пчеловодство) в Древней Руси считалось одним из самых важных промыслов, которому покровительствовали множество богов. И не удивительно поэтому, что оно было поставлено под охрану в уголовном законодательстве древнерусского государства в первых же его письменных нормах.

В статье тридцать второй Краткой редакции Русской Правды речь идет о поджоге княжеской борти. Кроме того, борт можно было повредить иным образом – разломать,

например, или изодрать («пожгутъ любо изудрутъ»). Штраф за такое посягательство равнялся трем гривнам⁷¹.

Собственно и пчелиный улей, располагавшийся первоначально в дуплах больших деревьев в лесу, являлся очень важным предметом посягательства в силу того, что пчеловодство являлось «достаточно ценным промыслом» в Древней Руси. В этом отношении примечателен тот факт, что, например, в Древней Литве, опять-таки, в силу большой ценности пчелинно-медового промысла, казнь в отношении лиц, покушавшихся на чужие борти, была поистине жестокой. Согласно исследованию П. Кукольника, выбиравшим пчелиные борти сначала распарывали животы, затем привязывали внутренности к дереву и водили вокруг дерева до тех пор, пока они полностью не вываливались из тела казнимого. Причем причины в столь серьезном наказании П. Кукольник видит не только в ценности данного промысла, но и в сложностях, сопряженных с охраной бортей, располагавшихся, как правило, далеко от поселений, в лесу⁷². Да и в Древней Руси посягательство на продукты медового промысла постепенно приобретают «общегосударственный» характер. Согласно точке зрения А. А. Зимина, в Пространной редакции, по сравнению с редакцией Краткой, в статьях семьдесят пятой и семьдесят шестой формируется закон о нарушении бортных угодий в целом⁷³.

С определенной долей условности к предметам-символам можно отнести также охотничьих соколов, ястребов и псов. Условность эта вызвана тем, что охота как промысел была весьма актуальна в эпоху догосударственного общества и имела мало общего с нарождающейся охотой-забавой молодой древнерусской знати. И, тем не менее, тридцать седьмая статья Краткой редакции Русской Правды устанавливает штраф за хищение этих предметов в размере три гривны, в отличие от иной домашней птицы, перечисленной в статье тридцать шестой, штрафная ставка за которую равнялась шестидесяти резан. Согласно точке зрения В. В. Долгова, «прошедшие выучку охотничьи животные» не просто охранялись законодательством, но повышенной ставкой⁷⁴.

Посягательства на предметы-символы, олицетворяющие христианские святыни, также были закреплены у восточных славян достаточно рано в церковных уставах великих и удельных князей. Так, например, запрещалось высекать рисунки и надписи на крестах и церковных стенах, вводить скот и домашних животных в помещение церкви, тем самым,

⁶⁶ Там же. С. 61.

⁶⁷ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 69.

⁶⁸ См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 48.

⁶⁹ Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. С. 175 – 176.

⁷⁰ См.: Берегова О. Символы славян. С. 173.

⁷¹ См.: Памятники русского права. Вып. 1. С. 79.

⁷² См.: Акты, издаваемые комиссией, высочайше утвержденной для разбора древних актов в Вильне. Том 1: Акты Гродненского земского суда. Вильна, 1865. С. 10.

⁷³ Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 249.

⁷⁴ Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007. С. 111.

оскверняя ее, а также совершать кражу предметов, являющихся христианскими святынями при святотатстве.

Таким образом, символизм в древнерусском уголовном праве получает выражение в символах – правовых идеях, символах-действиях (правовых обрядах), символах-предметах, символах-наказаниях. Символизм древнерусского уголовного права – явление очень широкое по своей масштабности⁷⁵. Право в древнерусском государстве и само, во многом, явление сакрального характера. Оно глубоко метафорично⁷⁶ и напрямую связано с героическим былинным эпосом и языческими славянскими верованиями. В связи с чем, символизм древнерусского права не исчерпывается составляющими его содержание правовыми символами, получающими на ранних этапах государственности позитивное закрепление. Целый ряд символических правовых идей, обрядов и предметов формулируются в диспозициях древнерусских уголовно-правовых норм, влияя, в том числе, на характер уголовной ответственности. Кроме того, символизмом наполнена карательная сущность целого ряда наказаний. Символизм отражал неразрывную связь права древнерусского государства с восточнославянским обычным правом.

Библиография:

1. Акты, издаваемые комиссией, высочайше утвержденной для разбора древних актов в Вильне. – Вильна: В тип. А. К. Киркора, 1865. – Т. 1. Акты Гродненского земского суда. – 378 с.
2. Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический этюд / Д. Н. Анучин. – М.: Типография и словолитня О. О. Гребек, 1890. – 146 с.
3. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 768 с.
4. Берегова О. Символы славян / О. Берегова. – СПб.: Изд-во «Диля», 2011. – 432 с.
5. Бобровский П. О. Преступления против чести по русским законам до начала XVIII века. Историко-юридическое исследование / П. О. Бобровский. – СПб.: Тип. правит. сената, 1889. – 120 с.
6. Боровский Я. Е. Мифологический мир древних киевлян / Я. Е. Боровский. – Киев: Наукова Думка, 1982. – 103 с.
7. Вико Дж. Основания новой науки: Пер. с итал. – М. – К.: «REFL-book» – «ИСА», 1994. – 656 с.
8. Гришина Т. Ю. Символизм в праве // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 1 (18). – С. 95 – 99.
9. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: НОРМА, 2004. – 160 с.
10. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 736 с.
11. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси / В. В. Долгов. – М.: Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
12. Ефименко П. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. – 1874. – октябрь (часть CLXXV). – С. 53 – 83.
13. Зимин А. А. Правда Русская / А. А. Зимин. – М.: Древлехранилище, 1999. – 424 с.
14. Иванов В. В., Топоров В. Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М.: Наука, 1981. – С. 10 – 31.
15. Исаев И. А. Непроявленный язык закона // LEX RUSSICA (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МГЮА). – 2006. – № 1. – С. 7 – 25.
16. Исаев И. А. Политико-правовая утопия в России (конец XIX – начало XX в.) / И. А. Исаев. – М.: Наука, 1991. – 272 с.
17. Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. – 2002. – № 6. – С. 4 – 10.
18. Колер И., Ратцель Ф. История человечества: Доисторический период. – СПб.: «Издательство Полигон», 2003. – 336 с.
19. Колмыков П. О символизме права вообще и русского в особенности / П. Колмыков. – СПб.: В тип. Карла Крайя, 1839. – 93 с.
20. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования / Н. И. Костомаров. – М.: Книга, 1989. – 240 с.
21. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 336 с.
22. Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование / А. В. Лонгинов. – Одесса: Экон. тип., 1904. – 163 с.
23. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
24. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
25. Малиновский И. А. Древности русского права: Курс, читанный проф. И. А. Малиновским в 1918/19 академических годах в Донском археологическом институте. – Ростов н/Д.: [Б. и.] 1919. – 460 с.

⁷⁵ См.: в частности: *Гришина Т. Ю.* Символизм в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 (18). С. 99.

⁷⁶ См.: *Исаев И. А.* Непроявленный язык закона // LEX RUSSICA (НАУЧНЫЕ ТРУДЫ МГЮА). 2006. № 1. С. 8.

26. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
27. Мрочек-Дроздовский П. Памятники русского права времени местных законов: пособие к слушанию лекций и к практическим занятиям / П. Мрочек-Дроздовский. – М.: Университ. тип., 1901. – 314 с., 8 с.
28. Назаренко Г. В. Неоконченное преступление и его виды: Монография / Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова. – М.: Ось-89, 2003. – 160 с.
29. Немировский Э. Я. Советское уголовное право. Пособие к изучению науки уголовного права и действующего Уголовного кодекса СССР / Э. Я. Немировский. – Одесса: Изд-во акционер. южно-русс. общ-ва, 1924. – 292 с.
30. Павлов-Сильванский Н. П. Символизм в древнем русском праве // Журнал министерства народного просвещения. – 1905. – июнь (часть ССCLIX). – С. 339 – 365.
31. Палюмбецкий А. О системе судебных доказательств древнего германского права сравнительно с Русскою Правдою и позднейшими русскими законами, находящимися с ним в ближайшем соотношении / А. Палюмбецкий. – Харьков: Печатано в универ. тип., 1844. – 76 с.
32. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1952. – Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. – 287 с.
33. Памятники русского права: в 8 вып. / Под ред. С. В. Юшкова. – М.: Госюриздат, 1953. – Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. – 442 с.
34. Памятники русского права: в 8 вып. / под ред. Л. В. Черепнина. – М.: Госюриздат, 1955. – Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. – 527 с.
35. Правда Русская. Т. 2: Комментарии: Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин и др. / Под ред. Б. Д. Грекова. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 862 с.
36. Рогов В. А. История государства и права России IX – начала XX веков / В. А. Рогов. – М.: Зерцало, Теис, 1995. – 264 с.
37. Российское законодательство X–XX веков : тексты и коммент. в 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. – 430 с.
38. Свирепо О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2004. – 270 с.
39. Фалалеева И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX – XI вв. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос ун-та, 2003. – 164 с.
40. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. акад. В. М. Корецкого. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. – 950 с.
41. Щепанская Т. Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров, В. А. Тишков. – СПб.: Наука, 2001. – С. 115 – 177.

References (transliteration):

1. Akty, izdavaemye komissiey, vysochayshe utverzhdennoy dlya razbora drevnikh aktov v Vil'ne. – Vil'na: V tip. A. K. Kirkora, 1865. – Т. 1. Akty Grodnenskogo zemskogo suda. – 378 s.
2. Anuchin D. N. Sani, lad'ya i koni kak prinadlezhnosti pokhoronnogo obryada. Arkheologo-etnograficheskiy etyud / D. N. Anuchin. – М.: Tipografiya i slovolitnyya O. O. Grebek, 1890. – 146 s.
3. Afanas'ev A. N. Mify, pover'ya i sueveriya slavyan: Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. Т. 2. – М.: Изд-во Eksmo; SPb.: Terra Fantastica, 2002. – 768 s.
4. Beregova O. Simvoliy slavyan / O. Beregova. – SPb.: Изд-во «Dilya», 2011. – 432 s.
5. Bobrovskiy P.O. Prestupleniya protiv chesti po russkim zakonam do nachala XVIII veka. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie / P. O. Bobrovskiy. – SPb.: Tip. pravit. senata, 1889. – 120 s.
6. Borovskiy Ya. E. Mifologicheskiy mir drevnikh kievlyan / Ya. E. Borovskiy. – Kiev: Naukova Dumka, 1982. – 103 s.
7. Viko Dzh. Osnovaniya novoy nauki: Per. s ital. – М. – К.: «REFL-book» – «ISA», 1994. – 656 s.
8. Grishina T. Yu. Simvolizm v prave // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. – 2011. – № 1 (18). – S. 95 – 99.
9. Gubaeva T. V. Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatelnosti. – М.: NORMA, 2004. – 160 s.
10. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda. – М.: AST, Astrel', 2003. – 736 s.
11. Dolgov V. V. Byt i nrawy Drevney Rusi / V. V. Dolgov. – М.: Yauza, Eksmo, 2007. – 512 s.
12. Efimenko P. Yuridicheskie znaki // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1874. – oktyabr' (chast' CLXXV). – S. 53 – 83.
13. Zimin A. A. Pravda Russkaya / A. A. Zimin. – М.: Drevlekhranilishche, 1999. – 424 s.
14. Ivanov V. V., Toporov V. N. Drevnee slavyanskoe pravo: arkhaychnye mifopoeticheskie osnovy i istochniki v svete

- yazyka // Formirovanie rannefeodal'nykh slavyanskikh narodnostey. – M.: Nauka, 1981. – S. 10 – 31.
15. Isaev I. A. Neproyavlennyy yazyk zakona // LEX RUSSICA (NAUCHNYE TRUDY MGYuA). – 2006. – № 1. – S. 7 – 25.
 16. Isaev I. A. Politiko-pravovaya utopiya v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) / I. A. Isaev. – M.: Nauka, 1991. – 272 s.
 17. Isaev I. A. Simvolizm pravovoy formy (istoricheskaya perspektiva) // Pravovedenie. – 2002. – № 6. – S. 4 – 10.
 18. Koler I., Rattsel' F. Istoriya chelovechestva: Doistoricheskiy period. – SPb.: «Izdatel'stvo Poligon», 2003. – 336 s.
 19. Kolmykov P. O simvolizme prava voobshche i russkogo v osobennosti / P. Kolmykov. – SPb.: V tip. Karla Krayya, 1839. – 93 s.
 20. Kostomarov N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniya / N. I. Kostomarov. – M.: Kniga, 1989. – 240 s.
 21. Kruglikov L. L., Spiridonova O. E. Yuridicheskie konstruktzii i simvoly v ugovolnom prave. – SPb.: Yurid. tsentr Press, 2005. – 336 s.
 22. Longinov A. V. Mirnye dogovory russkikh s grekami, zaklyuchennye v X veke. Istoriko-yuridicheskoe issledovanie / A. V. Longinov. – Odessa: Ekon. tip., 1904. – 163 s.
 23. Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo. – M.: Iskusstvo, 1995. – 320 s.
 24. Makovskiy M. M. Sravnitel'nyy slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropayskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov / M. M. Makovskiy. – M.: Gumanit. izd. tsentr VLADOS, 1996. – 416 s.
 25. Malinovskiy I. A. Drevnosti russkogo prava: Kurs, chitannyy prof. I. A. Malinovskim v 1918/19 akademicheskikh godakh v Donskom arkhologicheskome institute. – Rostov n/D.: [B. i.] 1919. – 460 s.
 26. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii A. M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke. – M.: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997. – 224 s.
 27. Mrochek-Drozдовskiy P. Pamyatniki russkogo prava vremeni mestnykh zakonov: posobie k slushaniyu lektsiy i k prakticheskim zanyatiyam / P. Mrochek-Drozдовskiy. – M.: Universit. tip., 1901. – 314 s., 8 s.
 28. Nazarenko G. V. Neokonchennoe prestuplenie i ego vidy: Monografiya / G. V. Nazarenko, A. I. Sitnikova. – M.: Os'-89, 2003. – 160 s.
 29. Nemirovskiy E. Ya. Sovetskoe ugovolnoe pravo. Posobie k izucheniyu nauki ugovolnogo prava i deystvuyushchego Ugolovnogo kodeksa SSSR / E. Ya. Nemirovskiy. – Odessa: Izd-vo aktsioner. yuzhno-russk. obshch-va, 1924. – 292 s.
 30. Pavlov-Sil'vanskiy N. P. Simvolizm v drevnem russkom prave // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1905. – iyun' (chast' CCCLIX). – S. 339 – 365.
 31. Palyumbetskiy A. O sisteme sudebnykh dokazatel'stv drevnego germanskogo prava sravnitel'no s Russkoyu Pravdoyu i pozdneyshimi russkimi zakonami, nakhodyashchimisya s nim v blizhaysheem sootnoshenii / A. Palyumbetskiy. – Khar'kov: Pechatano v univer. tip., 1844. – 76 s.
 32. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / pod red. S. V. Yushkova. – M.: Gosyurizdat, 1952. – Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X–XII vv. – 287 s.
 33. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / Pod red. S. V. Yushkova. – M.: Gosyurizdat, 1953. – Vyp. 2: Pamyatniki prava feodal'no-razdrobennoy Rusi XII–XV vv. – 442 s.
 34. Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp. / pod red. L. V. Cherepnina. – M.: Gosyurizdat, 1955. – Vyp. 3: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV – XV vv. – 527 s.
 35. Pravda Russkaya. T. 2: Kommentarii: Sost. B. V. Aleksandrov, V. G. Geyman, G. E. Kochin i dr. / Pod red. B. D. Grekova. – M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. – 862 s.
 36. Rogov V. A. Istoriya gosudarstva i prava Rossii IX – nachala KhKh vekov / V. A. Rogov. – M.: Zertsalo, Teis, 1995. – 264 s.
 37. Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : teksty i komment. v 9 t. / Pod obshch. red. O. I. Chistyakova. – M.: Yurid. lit., 1984. – T. 1. Zakonodatel'stvo Drevney Rusi. – 430 s.
 38. Svirepo O. A., Tumanova O. S. Obraz, simvol, metafora v sovremennoy psikhoterapii. – M.: Izd-vo Instituta psikhoterapii, 2004. – 270 s.
 39. Falaleeva I. N. Politiko-pravovaya sistema Drevney Rusi IX – XI vv. – Volgograd: Izd-vo Volgograd. gos un-ta, 2003. – 164 s.
 40. Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy / Pod red. akad. V. M. Koretskogo. – M.: Gos. izd-vo yurid. lit., 1961. – 950 s.
 41. Shchepanskaya T. B. Zony nasiliya (po materialam russkoy sel'skoy i sovremennykh subkul'turnykh traditsiy) // Antropologiya nasiliya / Otv. red. V. V. Bocharov, V. A. Tishkov. – SPb.: Nauka, 2001. – S. 115 – 177.